

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНЫХ МОНГОЛОВ В XVII–XVIII ВВ. (по материалам фонда Г.И. Спасского)

В статье на основе материалов фонда Г.И. Спасского из Государственного архива Красноярского края анализируется становление ойратской правовой системы. Подробно рассмотрена система государственного управления в Джунгарском ханстве от высшего звена (общемонгольский съезд, хан, хунтайджи) до низшего (хошон-аха, демитши и т.д.). Проанализированы вопросы судопроизводства и налогообложения, социального обеспечения и семейно-наследственных отношений, уголовного и административного права в государстве ойратов. Анализ документов свидетельствует, что в XVII в. ойраты и калмыки использовали свод правил, основанный на традициях и нравах кочевой культуры с их самобытными организационными формами и системой отношений власти-населения. Эта система предусматривала и развивала государственные институты, ряд материальных и процессуальных отраслей права, исполнительную и судебную власть. Данный опыт представляет большую ценность для развития современного законодательства, поскольку обращение к правовой культуре и правовым традициям государственно-правовых систем, включаемым в предмет компаративистского исследования, обеспечивает понимание тенденций развития права и позволяет избежать ошибок в его развитии.

Ключевые слова: Джунгарское ханство, Г.И. Спасский, Джунгария, государство ойратов, монголы, калмыки, зайсаны, тайджи, право

Timur Sh. Umetbaev, Pavel V. Teplyashin, Sodnom M. Budatarov

THE DEVELOPMENT OF THE WESTERN MONGOLIAN LEGAL SYSTEM IN THE 17TH AND THE 18TH CENTURIES (according to G.I. Spassky's Materials)

The article provides an analysis of the development of the Oirat legal framework, G.I. Spassky's materials found in the Krasnodar Krai State Archives being referred to. The authors investigate the public administration system in the Dzungar Khanate beginning with higher structural units of government (e.g. the Mongolian Kurultai (council), a khan, the Khong Tayiji) and ending with lower ones (e.g. the Khoshon-akha, Demitishes etc.) as well as matters of the Oirat judicial procedure, taxation policy, social insurance, familial relationships, criminal and administrative law. The research shows that in the 17th century the Oirats and the Kalmyks used a set of rules based on the nomadic

Уметбаев Тимур Шамилович, кандидат исторических наук, доцент Сибирского федерального университета (Красноярск), e-mail: kolbakyt@yandex.ru, kolbakyt@mail.ru, kolbakyt@rambler.ru

Тепляшин Павел Владимирович, кандидат юридических наук, профессор Сибирского юридического института ФСКН России, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела (Красноярск), e-mail: pavlushat@mail.ru

Будатаров Содном Михайлович, кандидат юридических наук, декан факультета подготовки специалистов для судебной системы Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия (Томск), e-mail: subbota@rambler.ru

traditions and moral and customs with their unique organizational forms and the authorities-people relationship. This contributed to the development of state institutions, some corporeal and procedural branches of law, and the executive and judicial power. To the authors' mind, such kind of research is of great value in developing the contemporary legislation, as due to a comparative study of the legal culture and traditions of state-legal systems it is possible to reveal trends in law development and avoid mistakes in this process.

Key words: The Dzungar khanate, G.I. Spassky, Dzungaria, the Oirat state, the Mongols, the Kalmyks, Zaisans, Taiji, law

Джунгарское ханство или государство ойратов (западных монголов) было суверенным образованием, имевшим оригинальные принципы государственного управления, право, судебную систему и бюджетное устройство¹. Его границы были обширны и включали на разных этапах его существования, помимо географической Джунгарии, земли Алтая, Малой Бухарии (южной части современного Синьцзяна), части Средней Азии, и даже Приенисейского края, т.е. проходили по территории современных России, Китая, Казахстана и Кыргызстана². На наш взгляд, Россия во многом обязана Джунгарскому ханству своим успешным продвижением в Сибирь, поскольку ойраты почти полтора века существования своего государства (1635–1758) представляли немалую угрозу для молодой Цинской династии на границах северо-западной территории Поднебесной, угрожая объединить все монгольские племена для смертельной схватки с маньчжурами, покорившими Китай. Джунгарское ханство пользовалось авторитетом и среди кочевников. Не случайно судьба хана Карасакала оказалась определенным образом связанной с Джунгарией.

Так, в 1740 г. предводитель башкирских повстанцев хан Карасакал, отмечал проф. А. Стюарт Доннелли, бежав от преследования в казахскую степь, сумел «сплотить вок-

руг себя последователей из числа казахов, провозгласив себя сыном контайши и братом Галдан-Церена, совершил набег на джунгар. Галдан-Церен мгновенно отреагировал на это нападение и с 15-тысячной армией выступил против казахов, бежавших... к Оренбургу» [4, с. 215]. В своем донесении полковник Останков по показанию пленного башкира докладывал, что «Каракасал находится у Абулмамет хана и Аблай салтана, где, собрав киргисцов многолюдно с ними Абулмаметом и Аблаем, также и своими союзниками ворами башкирцами ездили разорять контайшу... но тут калмыки киргисцов побили и Абулмамет и Аблай едва с шестьюдесятью человеками уехать могли...» [5].

Эти обстоятельства не могли не вызывать интерес среди исследователей Сибири. Одним из них был выдающийся ученый Григорий Иванович Спасский (1783–1864) – горный инженер, геолог, географ, чл.-корр. Петербургской Академии наук. Г.И. Спасский оставил после себя уникальные труды, в числе которых «О торговых сношениях России с Северо-Западным Китаем» (М., 1856), «Сибирские надписи» (СПб., 1822), «Телеуты и белые калмыки» (Сибирский вестник. – 1821. – Ч. 13. – С. 2–14; Ч. 16. – С. 280–287, 316–321), «Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г.» (Сибирский вестник. – 1823. – Ч. 3. – С. 1–14; Ч. 4. – С. 15–40) и т.д. Его

¹ Началом создания государства западных монголов принято считать 1635 год. Прекратило свое существование Джунгарское ханство во второй половине XVIII в. Цинская династия, воспользовавшись политическим кризисом, возникшим после смерти в 1745 г. правителя западных монголов Галдан-Церена, вторглась в Джунгарское ханство, вырезав подавляющее большинство ойратов [1].

² Границы «степной империи», в силу кочевого образа жизни монголов, были гибкими. Так, в XVII веке джунгарское правительство (Зарго) принудительно изменило сферу обитания енисейских кыргызов [2, с. 174–180]. Следовательно, юг Приенисейского края был под управлением Джунгарского ханства. Вождь енисейских кыргызов Иренок Ишеев являлся зайсаном Джунгарского ханства. Более того, в 1667 году в штурме Красноярского острога приняли участие батыры джунгарского правителя Сенге-тайджи [3, с. 91–95].

личный архив благодаря стараниям выдающегося коллекционера Г.В. Юдина³ оказался в Красноярске. Немалую ценность представляют документы, относящиеся к исследовательской и издательской деятельности Г.И. Спасского, среди которых встречаются делопроизводственные, археологические, нумизматические, естественнонаучные и, конечно же, исторические. При этом встречаются и рукописи, подготовленные к изданию в его «Азиатском» и «Сибирском» вестниках, в т.ч. и других авторов. Имеются документы и материалы, которые ранее не были опубликованы, но представляют несомненный интерес для современных исследователей, например, копии грамот крымских ханов [6], записки о тюркских народах Сибири [7] и т.д. К изучению его архива обращалось ни одно поколение исследователей, но только некоторые из них посвятили отдельные публикации фонду Г.И. Спасского [8].

Представляют интерес его труды, посвященные государственно-правовому устройству западных монголов, включая ойратов и калмыков, которые хранятся в Государственном архиве Красноярского края. Этот талантливый ученый дал подробное описание обычаев и традиций ойратов и калмыков, детально осветил положения ханских указов и «Книги законов» («Ики Цааджин Бичик» – «Великое степное уложение»). В некоторой степени путеводителем служил труд Н.Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов или калмыков», в котором выдающийся ученый одним из первых дает характеристику документа: «Сие уложение есть зеркало, на поверхности коего со всею ясностью изображаются нравы, обычаи, образ мыслей, способы жизни и степень просвещения у Монгольского народа» [9, с. 50].

При этом более глубокому и методологически обоснованному исследованию пра-

вовой системы западных монголов в XVII–XVIII вв. способствовал метод сравнительного правоведения, который обеспечивал процесс взаимопроникновения и взаимообогащения законодательных моделей различных правовых систем. В настоящее время метод сравнительного правоведения позволяет «высветить» направления эволюционирования международно-правового сотрудничества между Россией, Монголией, Китаем и Казахстаном как важнейшими стратегическими партнерами в современном мире.

В последующем внимание изучению уложения уделили такие исследователи, как К.Ф. Голстунский, Ф.И. Леонтович, В.А. Рязановский, Б.Я. Владимирцов, И.Я. Златкин, В.А. Моисеев и многие др. Варианты списков уложения сохранились в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения, рукописном фонде библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета и Калмыцком фонде РГАДА.

На наш взгляд, в отличие от предыдущих «степных империй», Джунгарское ханство было государством иного типа, поскольку ему удалось преодолеть «удельный (улусный)» кризис, отмеченный известным востоковедом З.В. Тоганом, который приводил к ослаблению после смерти их основателя, дальнейшему распаду средневековых каганатов (ханств) [10, с. 202, 203] и завершению целых эпох в истории этих государств. Связано это с переходом от кочевого к земледельческо-кочевому экономическому типу государства.

Кроме того, следуя типологии С.А. Плетневой, появились все признаки третьего этапа кочевания и, как следствие, государственной устойчивости кочевого общества [11], в т.ч. принятие мировой религии (ламаизм), осознание ойратской этнической общности,

³ Юдин Геннадий Васильевич (1840–1912) – известный сибирский золотопромышленник, собрал богатейшую коллекцию книг (свыше 80 тыс. томов, среди которых крайне редкие издания), которую в 1907 году был вынужден из-за финансовых трудностей выставить на продажу. Николай II отклонил предложение о приобретении библиотеки, в результате чего библиотека была продана в США, где составила основу Славянского отдела Библиотеки Конгресса США. Г.В. Юдин был издателем и автором ряда книг. Часть второй библиотеки Г.В. Юдина была восстановлена в 1930-е гг. и сохранилась в фондах Красноярской краевой научной библиотеки. Сохранившиеся материалы архива в последующем были систематизированы. Здание усадьбы Г.В. Юдина сохранилось в г. Красноярск до настоящего времени и является филиалом Краевого краеведческого музея.

стремление к заключению военных союзов, появление национальной письменности и литературы, резкое увеличение удельного веса образованных людей, захват чужих либо строительство собственных городов, усиление экономического взаимодействия города со степью.

Ни один из политических кризисов в истории государства ойратов не привел его к распаду, т.к. инициаторы движения уже не ставили целью создание собственных улусных государств, а стремились захватить верховную власть в Джунгарском ханстве. Возможно, именно эта конкуренция привела на ойратский престол талантливых представителей высшей знати – Батура-хунтайджи, Сенге-тайджи, Галдана Бошокту-хана, Цэван-Рабдана, Галдан-Церена. Думаем, что ойратам удалось бы преодолеть и последний политический кризис, начавшийся со смертью в 1745 г. последнего талантливого западно-монгольского правителя Галдан-Церена, но ситуацией воспользовалась Цинская династия, для установления власти которой в Китае ойраты представляли несомненную угрозу. Об острой ситуации на границе, связанной с территориальными претензиями России и Китая на наследство ойратского государства, свидетельствуют донесения генерал-майора Густава Штрандмана, который, в частности, писал, что «...китайцы, разъезжая по улусам ясашных российских калмык, кочующих за Колыванской линией по рекам Сенге и Песчаной, расстоянием от линии около двухсот верст, закапывали в секретных местах каменные доски с надписями на их диалекте; изживали калмыков с тех мест, на которых они с издавна обитают, с великими угрозами, называя те места себе принадлежащими, а калмык подвигали к нашей линии, из чего довольно доказывалось, что они желали распространить границы свои и российские умалить...» [12].

Без учета указанных факторов, на наш взгляд, невозможно в большей степени объективное и непредвзятое отображение исторического процесса, связанного со включением азиатских территорий в состав Российской империи. Ведь как справедливо отмечают специалисты, «унификационные процессы в государственно-правовой сфере

объективно сдерживались комплексом факторов регионального развития» [11]. Без понимания истории правовых институтов, успешно функционировавших на территории нашего государства в прошлом, невозможно отобразить реальную картину формирования имперской правовой системы. Во многом этим обусловлен интерес к изучению монгольской правовой системы, в т.ч. и государственно-правового устройства в государстве ойратов и ханстве калмыков.

Формально высшим органом законодательной власти стал общемонгольский съезд князей, который состоялся в 1640 году в Уланбура возле Тарбагатайского хребта и принял «Великое уложение» («Их Цааз») [13, с. 3].

Государственное управление было централизованным и формировалось по сословно-родовым принципам. Верховным правителем являлся *тайджи*. «Сильнейшие, – отмечает Г.И. Спасский, – между монгольскими и калмыцкими князьями получали иногда или от своего духовного главы Далай-ламы, или от могущественнейших соседей своих россиян и китайцев титул хана или титул хунтайджи (лебединого князя)...» [14, л. 3 об.]. Из всех правителей Джунгарского государства ханом был Галдан Бошокту (1671–1697), воспитанник и ставленник Тибета.

Князь, следуя обыкновенному порядку, передавал управление народом (улусом) старшему сыну. Другим родственникам для их содержания давались небольшие уделы, главы которых назывались *нойонами*. Если вымирала старшая линия, то бремя власти переходило к старшей родственной ветви княжеского дома.

На следующей ступени иерархии находились региональные правители – зайсаны (князья), из которых выделялись представители высшей знати – *дарханы* (своего рода лорды Джунгарского ханства) [14, л. 10 об.]. Как правило, это были родственники тайджи. Однако в рукописях Г.И. Спасского отмечается, что тайджи мог производить в зайсаны и из простых людей, по их заслугам. Согласно этому источнику, «ежели кто избавит князя из неприятельских рук, то должен в улусе его быть дарханом» [14, л. 15].

Должностных лиц, не справившихся со своими обязанностями, правитель отстранял от управления, «почему и находятся многие зайсаны в крайней бедности» [14, л. 9]. Безусловной смене подлежали зайсаны, если в их аймаке возникали беспорядки. Они же немедленно лишались войск, если во время войны не могли управиться со своей командой [14, л. 40 об.]. Подобная ротация управленческих кадров была эффективной антикоррупционной мерой, способствовавшей приходу к власти талантливых управленцев. Один за другим во главе ойратов оказывались такие даровитые руководители, как Батур-хунтайджи, Сенге-тайджи, Галдан Бошокту-хан, Цэван-Рабдан, Галдан-Церен. Отчасти этим можно объяснить то, почему Джунгарское ханство долгое время не только противостояло, но и представляло серьёзную опасность для своего соседа – Цинской империи.

Под управлением зайсанов находилось, как правило, от ста пятидесяти до трёхсот «дымов» (Орке). Меньшими подразделениями (обычно сорок «дымов») руководили смотрители (акка, шуленги, демитши). Хошоном в 10–12 семей управлял хошон-аха [14, л. 8 об.].

Тайджи имели над своими подчинёнными неограниченную власть. В их руках концентрировались законодательная, исполнительная и судебная ветви власти. Зайсаны смотрели за порядком, собирали налоги, осуществляли судопроизводство в пределах аймака и применяли небольшие телесные или имущественные наказания. Они отчитывались перед ханом о поведении своих людей, отвечали за безопасность, боеготовность и боеспособность подчинённых, раскрытие преступлений. Демитши должны были заботиться о демографии (женитьба четырех пар ежегодно), соблюдение порядка передачи приданого и т.п. За нарушение возложенных на них обязанностей предусматривались строгие дисциплинарные меры. Так, смотрители свыше сорока семей, не подготовившие двух новых панцирей в течение года «для умножения числа хорошо

вооружённых», наказывались одним верблюдом и одной лошастью [14, л. 21 об.]. В период правления Галдана Бошокту-хана был издан указ, где говорилось: «который Демитши будет по должности своей не деятелен, над тем производит суд и по розыскании дела лишит его всего имущества» [14, л. 34].

Отдельное сословие представляло *ламаистское духовенство*, которое было полностью освобождено от податей. Духовенство не только распространяло буддистские религиозные воззрения и участвовало в формировании бюрократической элиты, но и представляло собой интеллигенцию, формирующую культурную среду, носителей истории и литературы ойратов. При этом источник, имеющийся в фондах Г.И. Спасского, указывает, что знатные родители под угрозой наказания в одну лошадь обязаны были отдавать своих сыновей в монгольские учебные заведения при монастырях [14, л. 37 об.]⁴.

Г.И. Спасский подробно описывает устройство и организацию суда. Он отмечает, что «судебный совет» состоит из представителя духовенства и «знатнейших и разумнейших зайсанов и князей». Число присутствующих в этом совете «по некоторому древнему обыкновению восемь» [14, л. 6, 7]. Роль судебных приставов-исполнителей выполняли нижние судьи или старейшины (езгачи), которые присутствовали при исполнении приговоров [14, л. 7]. Все судебные решения записывались в судебную книгу, утверждались подписью хана и заверялись красной или черной печатью (тамгой).

Джунгарское ханство, говоря современным языком, было федеративным государством, включавшим автономные даннические регионы, которые руководствовались собственными правовыми установлениями. В частности, это видно из приведенного Г.И. Спасским указа Галдана Бошокту-хана, разрешавшего «бухарцам» (т.е. жителям городов Восточного Туркестана) иметь собственный суд, в котором рассматривались все дела, за исключением «главных дел» [14, л. 36]. Надо полагать, что такой же прин-

⁴ Название источника по Г.И. Спасскому – «Новейшее пополнение книги законов, изданное под утверждением шести больших духовных особ» [14, л. 36 об. – 41].

цип управления распространялся и на сибирские этносы. Из донесений алтайских экспедиций, посланных русской властью, отмечается, что тюрко-монгольские роды «не знали другого управления, кроме основанного на их собственных правах и обычаях...» [16].

Джунгары имели разумную *налоговую систему*. Налог исчислялся пропорционально имущественному достатку человека. Побор был «несколько более или менее десятой части всего скота». В чрезвычайных случаях, причиняющих князю издержки (большое годовое торжество, всенародные моления и т.д.), собирался «особенный побор» скотом, молоком, маслом и другими съестными припасами. Налоговые поступления распределялись между «регионом» и «федерацией». Одна часть податей отдавалась зайсанам и судьям в качестве жалованья, «но большая часть составляет доход князя» [14, л. 9]. Указом Галдана Бошокту-хана было установлено, что несвоевременная уплата налога влекла удвоение его суммы [14, л. 35 об.].

Важнейшим механизмом государственного управления была *почтовая служба (эстафета)*. Из рукописей Г.И. Спасского видно, что правители Джунгарского ханства уделяли этому институту особое внимание. Подробно описывались условия принятия гонца, порядок подачи лошадей, ответственность за пренебрежение к этой обязанности, наказания за злоупотребление вестовым должностного положения и т.п. Те, кто препятствовал княжеским гонцам, наказывались «как учинившие государственному доходу ущерб девятью скотинами, или также 5 ударами палкой и 5 скотинами». Не предоставившие ночлега и пищи почтовому служителю наказывались одной скотиной. Такой же санкции подвергался вестовой, если он с намерением изводил эстафетную лошадь [14, л. 18]. «Эстафета, которая по получении повеления не тотчас отправляется, повинна заплатить какую-либо дорогую вещь и 8 скотин. Всем эстафетам давать верховых лошадей без ссоры; а кто воспротивится, должен отдать двух за одну» [14, л. 31].

Джунгарское право, судя по источникам фонда Г.И. Спасского, состояло из ханских указов, принятых в разное время, и «Книги законов». Ученый дал следующую характеристику последнему нормативному акту: «Новейшая у калмыков еще поныне всеобщее употребительная и почти за 150 лет написанная Книга Законов» [14, л. 13], которую еще называют «Их Цааз» («Великое уложение») или монголо-ойратским сборником законов. Из рукописей Г.И. Спасского следует, что «Книга законов» была результатом совместного договора 26 ханов, князей и нойонов⁵. Среди них – «Ердени Сассакту хан, Аеши Хатун Баатур, Тушету хан, Ердену Батур Хунтайши, Убаша Далай нойон, Кинделинг Убаша, Далай Хонго нойон...» и т.д. [14, л. 13 об.]. Однако принятые законы, отмечал В.А. Моисеев, были «гораздо мягче, чем, например, «Яса Чингис-хана» или европейское и русское законодательство того времени», а «смертная казнь применялась только по отношению к предателям» [15, с. 390].

«Книга законов» больше всего напоминает свод правил, где нормы уголовного, процессуального, гражданского, семейного и других отраслей права были собраны в одном месте без какой-либо строгой систематизации. Вместе с тем, видна тщательность проработки отдельных норм, глубокое понимание сущности регулируемых общественных отношений.

Законодательство Джунгарского ханства требовало от властей заботиться о своих подданных, оказывать им необходимую социальную помощь. Так, во времена правления Галдана Бошокту-хана (1671–1697) появился указ, который предписывал уездным начальникам, чтобы они «старались и прилагали попечение о бедных и жаждущих». При невозможности выполнения данной обязанности из-за неимения средств Демитши должны были докладывать об этом старшим зайсанам и от него требовать средств [14, л. 34]. При отсутствии средств у зайсана последний должен был обращаться к князю. Со-

⁵ Г.И. Спасский указывает: «Выше упомянутые князья сорока четырех монгольских и езерских колен обнародовали единодушно сию книгу законов, в лето Тимер-Лу и в его средний осенний месяц в пятой доброй день».

циальная помощь должна была быть такой, чтобы тем, кому она оказывалась, не находили причин жаловаться князю. За гибель нуждающего смотрители и зайсаны наказывались «приличным образом».

Гражданско-правовое регулирование охватывало разные ситуации. Так, была норма, посвященная несостоятельности должника: «Ежели виновный по бедности своей не может заплатить иск, и начальник его утвердит клятвою его несостоятельность, то должно его подать истцу в невольники, пока не заслужит за положенное наказание» [14, л. 30]. Изрядное количество положений регулировали порядок вознаграждений за оказание помощи, спасение имущества и людей. «Кто избавит человека из рук убийцы или спасет совсем заблудившегося и с голоду умирающего, то должен получить в награду столько, сколько сей ему дать может. Малейшая награда для врача по излечении болезни, хотя ему прежде и ничего обещано не было, состоит в одной лошади. Кто находящегося далеко от своего дому, лишившегося своей лошади на войне или охоте и не могущего дойти пешком до дому, одолжит лошадей, получает за оную две» [14, л. 30]. «Кто спасет дитя или девочку от дикой лошади, тот в награждение получает по крайней мере одну овцу» [14, л. 33].

Одним из насущных потребностей ойратских и калмыцких правителей стало законодательное закрепление сложившихся семейно-наследственных отношений. Например, по мере взросления юноша получал право получить часть стада и отделиться от отца, сделавшись самостоятельным подданным [14, л. 12 об.]. Отец был обязан отдать сыну принадлежащую ему наследственную часть. В то же время в случае обнищания отца последний имел право забрать пятую часть имущества своего сына [14, л. 20].

Детально регулировались вопросы, связанные с брачными отношениями. «О выдаче в замужество принятого дитя должны совершенно заботиться приемные родители. Кто увезет девку, должен, если она знатной породы, заплатить семь верблюдов, за поддержанную — пять и за простую одного верблюда. Кто жил в чужой орде долгое время

и захочет возвратиться в свою орду, должен из нажитого там имения взять только половину» [14, л. 22]. Женщина может быть выдана замуж по достижении 14 лет. За дочь отец получает солидное вознаграждение, размер которого колеблется в зависимости от уровня доходов семьи жениха [14, л. 20]. В то же время, если девица сговорена и не выдана замуж по достижении 20 лет, ее отец обязан сообщить об этом князю, чтобы тот мог подыскать другую партию [14, л. 21 об.].

Из источника фонда Г.И. Спасского следует, что больше всего норм было посвящено правонарушениям. Подробно описывались проступки и санкции за них. Однако однозначной границы между *уголовным* и *административным* деянием не было. В то же время видна четкая дифференциация и индивидуализация ответственности в зависимости от общественной опасности деяния, личности виновного и потерпевшего, формы вины. Деликтное право западных монголов устанавливало смягчающие и отягчающие обстоятельства, квалифицирующие признаки правонарушений, предусматривало ответственность за неоднократность и соучастие.

Среди правонарушений можно выделить проступки и преступления, посягавшие на преступления против мира, веры, княжеской власти, жизни и здоровья, чести и достоинства, работорговли, половой свободы и половой неприкосновенности, общественного порядка (хулиганство), общественной безопасности, правосудия, а также имущественные, экологические, военные и должностные преступления.

Зайсаны и нойоны могли применять уголовные и административные наказания, но они были подотчетны перед вышестоящими властями за проступки, совершенные их людьми [14, л. 10]. Правом неприкосновенности пользовались дарханы, но только до момента, когда они совершат девятое по счету правонарушение.

В системе уголовных наказаний и административных взысканий отсутствовало тюремное заключение. В зависимости от степени проступка была предусмотрена дифференцированная система штрафов, которая, в свою очередь, зависела от имущественно-

го положения правонарушителя. Смертная казнь применялась в исключительных случаях, как, например, оставление зайсана в сражении [14, л. 15], отцеубийство [14, л. 19]. Кроме этого, были предусмотрены телесные наказания. Например, сноха, избившая свекровь, получала от 10 до 30 ударов плетью [14, л. 19]. В то же время не считалось преступлением избивание свекром снохи, если он это делал «с добрым намерением по (ее) вине» [14, л. 19 об.].

Проводилось разграничение неосторожных и умышленных преступлений. «Ежели у кого сделается сам собою выстрел и о том засвидетельствуют все соседи, то хотя бы этим и поврежден был. Не требуется от него ничего, только что одно хорошее платье. Ежели от того выстрела убита будет скотина, то за нее заплатит. Но ежели кто изобличится, что выстрел сделал он с намерением на человека, то наказание три раза д. скотин (возможно, девять скотин. — *Т.У., П.Т., С.Б.*); и если раненый может вылечиться, то должен выстреливший кормить его до выздоровления овцами и отдать одну лошадь. Но ежели с намерением застрелить знатного человека, то убийцу должно разорить и лишить всего имения» [14, л. 29–29 об.].

К тяжким преступлениям можно отнести убийство и причинение вреда здоровью. Так, при совершении убийства в трезвом виде убийца лишался жены, хозяйства, оружия, которые шли в уплату за убийство родственникам умершвенного [14, л. 23]. За убийство женщиной мужчины или другой женщины, в зависимости от обстоятельств преступления, она могла быть лишена носа, ушей, глаз с последующей передачей ее в невольницы. Муж за убийство жены наказывался штрафом в 45 голов скота [14, л. 20]. Аналогичная санкция наступала в отношении лица, совершившего в пьяном виде избивание другого человека [14, л. 23].

При причинении смерти по неосторожности также действовала штрафная система. Так, в случае причинения смерти на охоте по ошибке, половина имущества человека, причинившего смерть, изымалась в пользу родственников погибшего [14, л. 24]. Штрафная система предусматривалась также за пре-

любодеяние, изнасилование [14, л. 27–27 об.].

К суровым имущественным наказаниям приговаривались лица, совершившие военные преступления. «Если тот, кто о нападении услышит и не поспешит на помощь и не преследует неприятеля, тот должен, когда он знатного роду, лишиться половины своего имущества, посредственного — девяти скотин, а простой народ — пяти скотин» [14, л. 16 об.].

К государственной измене приравнивался проступок, при котором человек, знающий о начале военных действий неприятельской стороной, не доложил об этом своему правительству. К нему применялось такое же наказание, как и к неприятелю [14, л. 14 об.]. Трусость зайсана на поле брани каралась штрафом, составлявшим 100 панцырей, 100 верблюдов, 50 семей и 1000 лошадей [14, л. 15].

Любой, кто увидел торговлю людьми, мог арестовать покупателя (купца) и продавца с лишением последнего полученной выгоды. По повелению Галдана Хунтайджи тот, «кто продает или покупает тайно людей, от того, когда он обнаружится, взять в наказание двойную цену продаваемого или покупаемого и невольника освободить» [14, л. 36].

За кражу также устанавливалась штрафная система, при которой часть штрафа уплачивалась князю. В то же время за хищение отдельных вещей в небольших размерах (молоток, веревка, седло, ножницы и т.д.) виновный лишался одного пальца на руке [14, л. 32].

К преступлениям против веры относились действия лиц, просивших помощи у колдуна (колдовки). Такие лица лишались лошади. Недоносительство о колдовстве также наказывалось изъятием верховой лошади. Сам колдун, причинивший кому-либо какое-то зло, наказывался пятью скотинами [14, л. 32 об.]. «Три дни моления в каждом месяце посвящать Богу с набожностью, а кто их очернит, тот должен в наказание отдавать одну овцу, или ценою на 30 копеек и притом вытерпеть три пощечины; бедный отдает 10 копеек получает 5 пощечин. — В дни Моления молиться, поститься и читать приличные книги. Кто поступит про-

тив сего и будет наказан ударами от ревностного духовного, тот за сие ничего не может искать» [14, л. 37 об.].

Наказание за должностные преступления и проступки зависело от вида обязанности, которую не исполнял чиновник. Недоносительство об обнаружении вора влекло «отобрание всего воинского снаряда с ружьем и 9 скотин» [14, л. 26]. По указу Галдана Хунтайджи судья, трижды принявший ошибочное решение, лишался своего чина. Медлительность в «розыскании дела», позволившая вору скрыться, наказывалась лишением половины скота [14, л. 34]. В то же время у калмыков предусмотрено еще более жесткое наказание за судебную волокиту — судья должен быть лишен чина, выведен перед народом и всенародно обруган. Судья, который осудил невиновного, должен был вынести девять ударов плетью и заплатить одну штрафную лошадь князю [14, л. 38–38 об.].

Источники в фонде Г.И. Спасского раскрывают особенности некоторых стадий уголовного процесса. Например, если на стадии расследования преступления будет обнаружено, что следы преступника доходят до какого-либо дома, то должен ответить хозяин этого дома, а если следы доходят только до селения, то глава селения должен поклясться, что ничего не знает о воре. Но он обязан самостоятельно найти вора, иначе будет лишен вооружения и 9 голов скота [14, л. 25 об.].

На стадии судебного процесса калмыки применяли в суде принесение присяги (шахан) в случае, если требовалось подтвердить невиновность вора. Кроме того, предполагалось «огненное» испытание вора, суть которого сводилась к следующему: «снимает топор с черенка и накаливает его, потом вынимает клещами и кладет на обороченные стремяна. С оных должен обвиняемый взять его голою рукою или пальцами и бросить в яму на два шага отстоящую. Есть ли сего не может он сделать от боли с одного разу, но его уронит, то принуждают его в другой раз и ежели не может и во второй раз, то и в третий. Потом рукав платья тотчас зашивается около руки, дабы нельзя было употребить какого-либо средства от обжога, и по прошествии трех или пяти дней осмат-

ривают руку в суде. Ежели увидят, что обжог зажил и выздоровел, то обвиняемый освобождается, а если он гноится, то его обвиняют» [14, л. 43–43 об.].

Первоначально судебный процесс предполагал участие судей, обвиняемых и пострадавших. Однако во время правления Галдана Бошокту-хана был принят указ, разрешивший участие в судебном процессе посторонних лиц и приобретение этими лицами в случае победы того, кого он поддержал, половины возмещенного ущерба [14, л. 35 об.].

После включения Джунгарии и Восточного Туркестана в состав Цинской империи в качестве новой провинции Синьцзян была создана достаточно жесткая система административного управления. В управление илийского цзянцзюня, подчиненного непосредственно Лифаньюань (Палате внешних сношений, либо Палата по управлению окраинами), поступили цаньцзаньдачэни Илийский, Урумчинский, Тарбагатайский и Кашгарский [17, с. 116].

Уложением Лифаньюань, в состав которой входит шесть экспедиций, было определено, что третья из них («Гороки бо билуре болхобуре фиеньтень») производит дела, относящиеся ко всем ханам, разностепенным Князьям, Кутуктам и Ламам, как четырех Калкаских княжеств, так и Тургутских, Дурбетских, Кукунорских и чахарских Монголов, касательно приезда их по очереди в Пекин на поклон к Государю или с срочною данью» [18, с. X]. А четвертая экспедиция («Харанга айман бо алиха болхобуре фиеньтень») занимается делами по управлению всех ханов, разностепенных Князей и всех вообще Чиновников четырех Калкаских Княжеств, Тургутских, Дурбетских, кукунорских и других Монгольских княжеств, также и Тибетских» [18, с. XI]. Ю. Клапрот констатировал, что князь алтайских урянхайцев Чадак был произведен императором в дорги-амбань и разделил его подданных на 7 знамен и 25 рот, князь Тану-урянхаев Тубшин произведен в шула-амбань, разделив подданных на 4 знамени и 16 рот [19, с. 510].

Наступление на старые правовые институты происходило и в пределах Российской

империи, но не с такой интенсивностью. Например, длительное время единственным документом, регулировавшим правовые отношения алтайских инородцев, оставалась инструкция графа С.Л. Владиславич-Рагузинского пограничным дозорщикам [16].

Подводя итог исследованию рукописей фонда Г.И. Спасского, можно сделать вывод о том, что государственное устройство западных монголов было традиционным для кочевых и полукочевых народов, имевшим самобытные управленческие традиции и систему отношений власти с населением. Документы в фонде Г.И. Спасского свидетельствуют о том, что в XVII веке ойраты и калмыки использовали свод правил, основанный на традициях и нравах кочевой культуры, существовавших в то время. Эта система предусматривала и развивала государственные институты, ряд материальных и процессуальных отраслей права, исполнительную и судебную власть. Данный опыт представляет большую ценность для развития современного законодательства, поскольку обращение к правовой культуре и правовым традициям государственно-правовых систем, включаемым в предмет компаративистского исследования, обеспечивает понимание тенденций развития права и позволяет избежать ошибок в его развитии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. – Барнаул, 1998.
2. *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. – Абакан, 2000.
3. История Красноярска: док. и материалы. XVII – первая половина XIX вв. – 2-е изд. – Красноярск, 2000. – С. 91–95.
4. *Доннелли Алтон С.* Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995.
5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 393. Оп. 13. Д. 974. Л. 75.
6. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. 805. Оп. 1. Д. 158.
7. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 95.
8. *Днепровский Н.Н.* Г.И. Спасский как исследователь Сибири (на основе материалов из архива Г.И. Спасского) // Люди и судьбы. XX век: тез. докл. и сообщений науч. конф. – Красноярск, 2003. – С. 180–184.
9. *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. – СПб., 1834.
10. *Тоган З.В.* Введение во всеобщую историю тюрков // Байкара, Тунджер. Заки Валиди Тоган. – Уфа, 1998.
11. *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. – М., 1982.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 24. Оп. 1. Д. 65. Л. 13.
13. Их Цааз (Великое уложение), памятник монгольского феодального права XVII в. – М., 1981.
14. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 84.
15. *Моисеев В.А.* Преступления и наказания в Джунгарском ханстве (по материалам русских архивов) // Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур. Материалы Пятой междунар. конф. – Барнаул, 2005. – Вып. 5.
16. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 163. Оп. 1. Д. 199. Л. 1.
17. *Ходжаев А.* Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. (из истории международных отношений в Центральной Азии). – Ташкент, 1991.
18. Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. С. Липовцов. – СПб., 1828. – Т. 1.
19. *Кланрот Ю.Г.* Asia polyglotta // Тыва дептер. – М., 2007. – Т. 1.